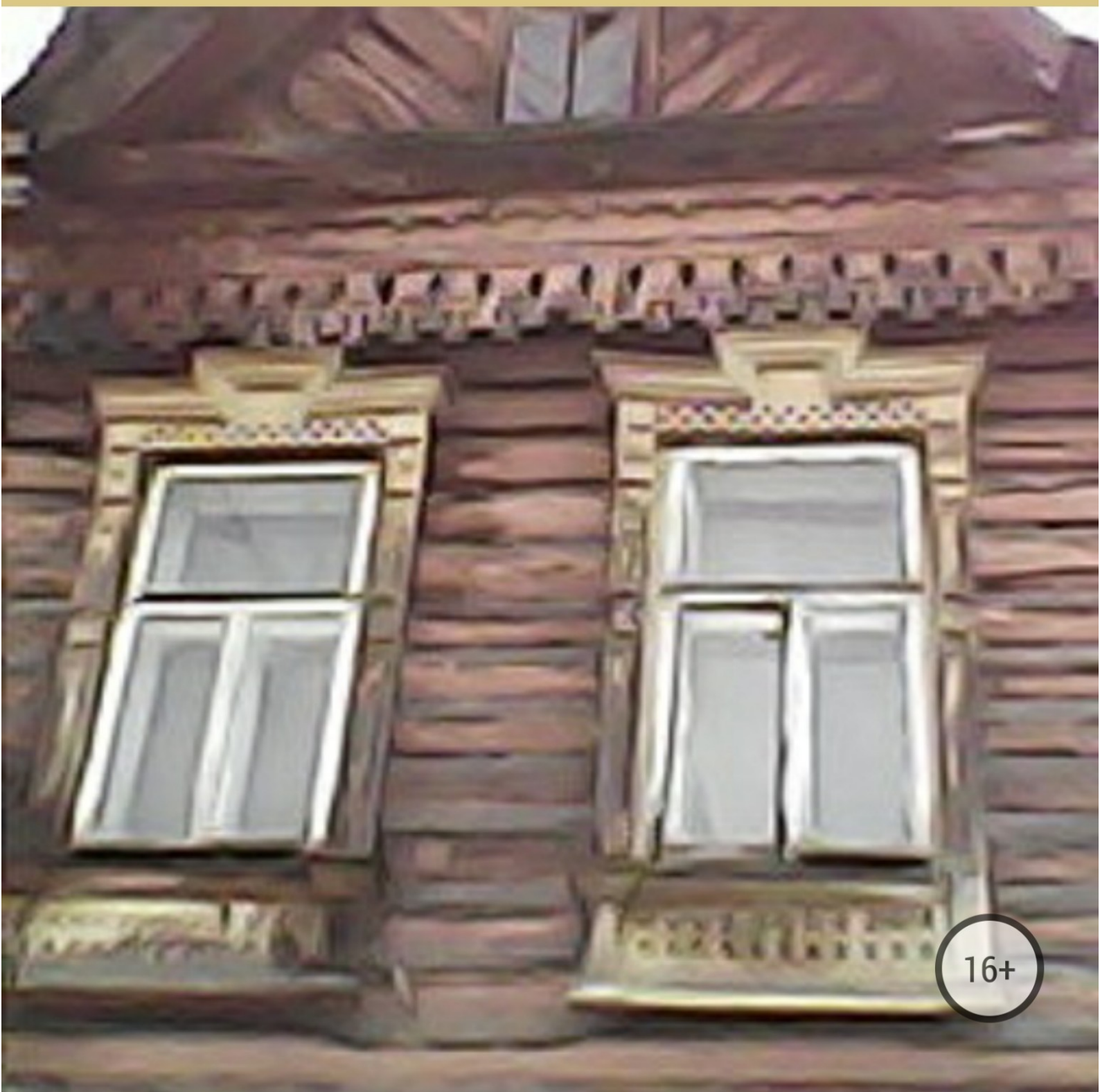

Ирина Верехтина

Ведьмина внучка

16+

Ирина Верехтина
Ведьмина внучка

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Верехтина И.

Ведьмина внучка / И. Верехтина — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Сын Антонида утонул в деревенском пруду. Дочка кашляла с самой весны и таяла на глазах. И Антонида пошла к бабке Уле, про которую ходили страшные слухи: помогать-то она помогала, но цену брала непомерную. - Прокляли тебя, девка. Сына потеряла, и дочку скоро потеряешь. - Я на всё согласная! Только скажи, что делать?- Дитя тебе надо родить, оно за тебя расплатится, а с тебя заклятье сойдёт-уйдёт. Только знай: дитю этому всю жизнь вместо тебя платить придётся. Фактический материал реален. Злые глаза, крючковатый нос, сгорбленная спина и прочая ведьминская атрибутика в повести отсутствует. Полётов на метле не будет, будет просто жизнь.

© Верехтина И., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Глава 1. Двоюродная тётка	6
Женька	6
Золотой мужик	8
Чёрная кошка	9
Раздел имущества	10
Вражда	11
Шарики для детского сада	12
Искусство сорить деньгами	13
Глава 3. Антонида	14
Тридцать лет назад	14
Бабка Уля	15
Дитя от нелюбого	16
Сыр в масле	18
Невезучая Женька	19
Глава 4. Белая магия	20
Объявление в газете	20
Неопровержимые доводы	22
Деревенская колдунья	23
Негаданно–нежданно...	24
Врачебное заключение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Все имена и события вымышлены, все совпадения случайны

Глава 1. Двоюродная тётка

Женька

Ритина двоюродная тётка по матери была сумасшедшей. Столько лет она казалась Рите нормальной, обыкновенной, а оказалось – у Женьки не всё в порядке с головой. Чтобы поставить тётке этот страшный диагноз, не нужно быть врачом. Достаточно того, что услышала Рита в один из Женькиных приездов в Москву, к своей двоюродной сестре – Ритиной маме.

В тот вечер Риту рано отправили спать: Женя была редкой гостьей, и им с мамой хотелось поговорить наедине. Рите тоже хотелось – поговорить, она обожала свою молоденькую тётку и бурно радовалась, когда та появлялась в их доме. Рита понимала, что Женьке хочется пошептаться с двоюродной сестрой, поведать свои секреты. Она без возражений пожелала им спокойной ночи и ушла к себе, *оставив дверь* приоткрытой. Погасила свет, будто уже легла, накинула поверх ночной сорочки тёплую шаль, уселась на кровати по-турецки и вся превратилась в слух...

Ритина тётка была старше племянницы на пятнадцать лет, и Рита по-свойски звала её Женькой. Женька жила в Рязани, до Москвы на электричке четыре часа, до электрички двумя автобусами, да от Казанского вокзала до них с мамой – почти час. Выходило часов шесть, но Женька всё равно ездила и дочку, когда подросла, привозила с собой. В те времена в Москву приезжали со всех окрестных городов – за продуктами, которых нигде не было, а в Москве можно было купить всё: колбасу, мясо, сыр, апельсины, бананы, шоколадные конфеты... Люди приезжали целыми автобусами и с утра до вечера бегали по магазинам, а вечером возвращались домой, увозя объёмистые сумки – сколько могли увезти.

Иное дело – Женька, в Москве у неё родня, Ритина мама. Женька приезжала к ним с ночёвкой, и для Риты наступали праздники. Собственно, они и были – праздниками либо выходными, но с появлением в доме Женьки становились особенными, суматошно-радостными и светлыми, даже если шел дождь.

Рите долго помнились эти счастливые дни. Мама светила от радости, хлопотала и суетилась, не зная, чем накормить, чем ублажить дорогую гостью, Рита вертелась под ногами и всем мешала, Женька рассказывала о своём житье-бытье и звонко хохотала. У неё получалось весело и беспечно, и от этого тёткины горести казались Рите пустяковыми, с кем не бывает...

Вера Сергеевна радовалась приезду двоюродной сестры: родных братьев и сестёр у неё не было, а двоюродных было трое, но никто о ней не вспоминал, никто не приезжал, одна Женька. Вдвоём они обходили все окрестные магазины и возвращались с неподъёмно тяжёлыми сумками. «Добыча» торжественно выгружалась на кухонный стол. На столе уже не было места, а из сумок всё извлекалось съестное – батоны варёной колбасы, разнокалиберные куски аппетитно-жёлтого ноздреватого сыра, прохладные бруски сливочного масла, вкусно пахнущие пакеты с сосисками, конфетами, зефиром... Оковалки говядины и свинины... Авоськи с апельсинами...

Рита никогда не видела – столько! Они с мамой всегда покупали понемногу. А Женька – сколько унесёт. Даже хлеб покупала! Женька была убеждена, что московский хлеб вкусней рязанского, и каждый раз увозила домой румяный батон. Всё принесённое запихивалось в холодильник, а то, что не вошло, складывали обратно в сумки и выносили на балкон. Апельсины и конфеты оставляли в комнате. Их чистенькая, уютная, всегда прибранная квартира напоминала теперь зал ожидания железнодорожного вокзала или пристанище беженцев: чемоданы, сумки, авоськи, узлы...

– Жень, как повезёшь-то, тяжесть такую? – с ужасом спрашивала Вера Сергеевна.

– Ааа... Дотащу как-нибудь, мир не без добрых людей, помогут, – махала рукой Женька.

К вечеру обе валились с ног от усталости, но свет в маминой комнате не гасили до полночи и вели длинные «бабьи» (по выражению Женьки) разговоры.

Женька говорила обо всём весело и беспечно и никогда не жаловалась на жизнь. – «Счастливая!» – думала Рита о тётке. Став старше, она поняла, что это не так.

Золотой мужик

Женьке жилось тяжело. Муж ушёл, когда Ольке исполнилось пять, и дочку она растила одна. Жили в доме бывшего мужа. Точнее, дом принадлежал мужниной сестре Наталье. Федор поставил к дому каменную пристройку, в которой и поселился – с Женькой и маленькой Олькой. Натальин дом стоял в конце улицы, за домом начинался крутой спуск к реке. Так что косогор был Натальин – сажай не хочу. Наталья сажала, но землю весенним половодьем уносило в реку, все посадки смывало дождями, грядки «ползли» по крутому склону...

Отчаявшись вырастить на косогоре хоть что-нибудь, Наталья отступилась, и склон зарос травой и бурьяном, даже кустарник на нём не держался. Федор договорился со знакомым трактористом, вдвоём они разровняли площадку у задней стены дома и вынули грунт – под подвал. Землю сбрасывали вниз – туда, где хитроумный Федор заранее поставил частокол из крепких брёвен, основательно их углубив. Сброшенную землю утрамбовали трактором, и получилась ровная площадка, отделенная от косогора аккуратным заборчиком (находчивый Фёдор прибил к торчащим из земли верхушкам брёвен аккуратные плашки, и получился штакетник!) Сажай, что душа пожелает, никакими дождями не смое!

На площадке Фёдор поставил примыкавшую к дому каменную пристройку с отдельным входом и подвалом, в котором хранились сделанные на зиму запасы и садовый инвентарь. Ещё он сколотил из горбыля летнюю кухню. Законопатил щели, настелил на крышу толь, и Женька ахнула: «Это ж столовая получилась!». Мебель для «столовой» (деревянный стол с двумя лавками, кухонный столик и этажерку) Федор смастерил сам. Женька покрасила светлой краской полы, побелила потолок, поклеила обои в цветочек, стол застелила нарядной клеёнкой, а на окна сшила пышные занавески. Кухонька получилась – загляденье!

– Построил бы и мне такую же, – просила брата Наталья.

– А на что она тебе, – удивлялся Федор. – У тебя целый дом, а мы втроём в одной комнате. Тесно нам... А теперь в самый раз будет! Вот погоди, Натаха, денег заработаю, баню поставлю за огородом. Вода-то рядом! Будет у тебя своя банька... Чем не царская жизнь?

– Мужик у меня золотой! – хвасталась Женька, приезжая в деревню к матери. – Дом поставил каменный, подвал сухой, потолок высокий. Кухоньку сколотил, мебель... И всё своими руками! Огород опять же придумал на косогоре выкопать, ровненький получился, и воду близко таскать. Повезло нам с Олькой! Наталья иззавидовалась вся, своего-то мужика нет, и у меня не отобьёшь – брат родной. Вот и приходится ей со мной дружиться, куда ей деваться... А живём хорошо, не бедствуем. И всё благодаря моему Феденьке!

Чёрная кошка

Жили вроде бы ладно. Бойкая на язык, крикливая Женька с Натальей держалась скромно, не перечила, стараясь угодить золовке. – Фёдор любил сестру, и Женька никогда не жаловалась ему на Наталью (хотя было на что). Жили мирно. А потом вдруг началось...

Между Женькой и Федором будто чёрная кошка пробежала: всё хорошее меж ними кончилось, и они стали чужими. Федор обвинял жену, что она от него «гуляет». И всегда гуляла, только он, дурак, не видел ничего – любил потому что. Да и Олька характером ни в мать, ни в отца, и лицом на него не похожа. Его ли, Фёдора, дочь?

Рассказывая эту историю Ритиной маме, Женька клялась и божилась, что «ничего такого» не было, и с чего это Федька взбеленился, не иначе Наталья ему наговорила-наплела... А ничего и не было!

– И вправду, не было? – спрашивала Вера Сергеевна. Женька отводила глаза, сыпала скороговоркой: «Да говорю же, не было, ничего серьезного, так... С кем не бывает? Кто не без греха? А любила я одного Федьку, и Ольку от него родила.

Федор ей не поверил. Собрал вещи и ушёл. Дома при ней не появлялся, а вскоре подал на развод: нашел себе другую, у неё и остался.

Наталья с порога заявила вернувшейся с работы Женьке:

– Забирай барахло и шкирдуй в свою деревню. Ты мне таперича никто, и Фёдору не жена. А дом этот мой, твоего тут ни брёвнышка нет. Так что уезжай отсель, без тебя тесно.

Женька ахнула.

– Как это, ни брёвнышка моего? Пристройку-то Федька ставил, на свои, и кухнюшку сколотил, и мебель своими руками сделал...

– Вот и я о том же, Федька строил, а ты здесь причём? – отрезала Наталья. Увидев в Женькиных глазах слёзы, смягчилась. – Ладно, не реви. Чай не звери, не гоним. Поживи пока. А только через месяц чтоб тебя тут не было.

Раздел имущества

Женька поплакала, погоревала... и написала заявление в суд, требуя вернуть им с Олькой каменную пристройку к Натальиному дому, построенную на деньги мужа. Ольке к тому времени исполнилось шесть, с Фёдором они жили одной семьёй почти семь лет, почему же пристройка теперь Наталья? Олькина она! Чья же ещё? О Фёдоре, который являлся хозяином пристройки, Женька и не вспомнила. Ушёл и ушёл, живет где-то, значит, есть где жить. А им с Олькой куда деваться? Всё это Женька изложила в заявлении, как смогла, орошая бумагу злыми слезами обиды.

К негодованию Натальи, суд решил дело в пользу Женьки. Пристройку Женьке, однако же, не вернули – она осталась за Фёдором. Наталье велено было выделить им с Олькой жилплощадь, равную по метражу половине пристройки. Женька воспрянула духом: «Половина моя!». Но пристройку Наталья не отдала – отгородила фанерной перегородкой узенькую выгородку, больше похожую на коридор, чем на комнату.

Окно перегородка разделила пополам: половина Женькина, половина Натальяина. Вот в этом-то коридорчике – шириной полтора метра, с одного конца глухая стена, с другого пол-окна – в этом коридорчике им с Олькой полагалось жить. Охнула Женька, но делать нечего: решение суда Наталья исполнила, положенные им с дочкой девять квадратных метров «наличествовали полностью» (шесть метров в длину и полтора в ширину, шесть на полтора равняется девяти). Оговоренное в решении суда окно тоже имелось – в виде половинки. Не поспоришь.

А жить-то как?

В дальний от окна простенок Женька втиснула кровать, в середину поставила шкаф, у окна стол. Здесь было относительно светло, остальная «жилплощадь» утопала в полумраке. За столом Женька шила и варила на керосинке нехитрую еду, здесь же маленькая Олька делала уроки, сидя на деревянном табурете, который, вставая, задвигала под стол. Больше в выгородке ничего не помещалось, мимо шкафа протискивались бочком, на кровать залезали через спинку: по ширине она была такая же, как их «комната».

Вражда

Так и жили – врагами. Входили и выходили через Натальину половину, оставляя на крыльце обувку. Наталья хмуро смотрела им вслед, понимая, что проиграла. Ничего, она своё возьмёт, выживет из своего дома эту змею.

Женька помалкивала – боялась, что Наталья станет вымещать зло на маленькой Ольке. Из деревни привозила свежие яйца, домашний вкусный творог, сливочное масло (мать держала корову и овец). Выставляла на стол Наталье. – «Не побрезгуй, всё свежее, своё... На рынке-то не купишься» – говорила Женька и торопливо проходила на свою «половину». Денег с Натальи она не брала.

Подарки Наталье нравились, деревенская сметана была густой, творог жирным, масло душистым. А то, что Женька не брала с неё денег, сразило Наталью окончательно. Она оттаяла, не злобствовала. Случалось, кормила Ольку обедом, совала горсть дешёвых конфеток или леденчатого петушка на палочке: «Бери, чай не чужая. Я тебе родная тётка, а ты мне, стальной, племяшка».

Олька несмело брала угощение, молча смотрела на тётку снизу вверх ореховыми серьёзными глазами в густых ресницах. «Глаза-то Фёдкины, – с раскаяньем думала Наталья. – И нос Фёдкин, и лоб, и волосы в рыжину. А он, паскудник, дитё своё бросил, забыл совсем. Сволочь всё-таки Фёдка!»

Наталья поутихла, не смотрела люто, но Женька знала: тут ей житья не будет. На заводе встала на очередь на кооперативное жильё, откладывала потихоньку деньги. И удивила всех, выплатив вместо первого аванса сразу всю сумму за двухкомнатную квартиру.

Глава 2. Как можно

.

..

Вы спросите, как можно скопить такую сумму, живя на одну зарплату с маленькой дочкой? Ответ на этот вопрос Рита знала: она сама покупала для тётки надувные шарики – синие, зеленые и желтые (красные не годились).

– Сколько вам? Пятьдесят?! Это зачем вам столько? – любопытствовали бдительные продавщицы. Ответ на такой вопрос у Риты был заготовлен:

– Для детского сада, к празднику. У нас там четыре группы, да ещё комнаты украсить надо, – бойко отвечала Рита, наученная тёткой, что отвечать, если спросят.

– Красненьких не хотите взять? Все красные просят, а вы зеленые... – предлагали продавщицы, но Рита неизменно отказывалась: «Красные уже купили» – и отправляла шарики в Рязань ценной бандеролью.

Шарики для детского сада

В шариках Женька выносила с завода спирт. Здесь пора уже сказать, что завод, на котором работала Ритина тётка, был винно–водочный, а водку в те времена достать было трудно, её продавали по талонам, как страшный дефицит, хотя спирт стоил копейки. Женька разбавляла его водой, честно добавляя в 400 г спирта 600 г кипяченой воды, и разливала в трёхлитровые банки, запечатывая их железными крышками на закаточной машинке. У оборотистой Женьки имелся широкий круг покупателей – товар был «ходовым»...

Шарики с налитым в них спиртом Женька крепко стягивала обыкновенной катушечной ниткой–сороковкой и прятала... в бюстгальтере, для чего покупала лифчики на два размера больше. На проходной ни о чём не догадывались, и Женьке всё сходило с рук. Годились все цвета, кроме красного и фиолетового, потому что красную краску спирт растворял.

– Ну, с красными всё ясно. А фиолетовые почему нельзя? – спрашивала Рита.

– Тебя в школе не учили, как фиолетовый цвет получается? – смеялась тётка. – Синюю краску смешивают с красной. А от красной спирт закрашивается, кто ж такой купит?

В школе их не учили составлять краски, они рисовали готовыми, купленными в магазине. Рита, однако же, предпочитала карандаши, которые вдохновенно слюнявила, добиваясь желаемого эффекта. Рита не знала, как составлять цвета, зато она знала другое: то, чем занимается её тётка, называется воровством, даже ещё хуже – хищением у государства (завод–то государственный, и спирт тоже государственный). За это Женьку могут посадить в тюрьму. А она, Рита, помогает тётке воровать. А ведь она комсомолка!

– Ты-то чем виновата? – успокаивала Риту мать. – Ты ж не воруеть, ты шарики покупаешь. А уж для чего они ей, не твоё дело. Женьке жить негде, Наталья её выживает, дом-то Натальин. Оляк ослепла почти, в выгородке этой полутёмной, уроки готовит впотьмах, книжки читает впотьмах... У неё глазки плохо видеть стали, слепнет девочка, – всхлинула мама. – Я тебе не говорила, расстраивать не хотела... Зрение падает, всё хуже и хуже. А на кооперативную квартиру деньги немалые нужны, Женьке таких за всю жизнь не заработать. Вот и выносит спирт... Думаешь, она не переживает, думаешь, не нервничает? Сколько раз на проходной попадалась...

Ритина мама говорила правду. Женьку ловили со спиртом не единожды, судили товарищеским судом, всерьёз угрожали увольнением, грозились передать дело в народный суд. А суд – это уголовная статья, это тюрьма...

Но не увольняли и дело в суд не передавали – из-за Ольки. Если Женьку посадят, куда ж тогда Ольку девать? В детский дом? Здоровье у неё слабое, зрение плохое, слепнет, в детдоме совсем пропадёт. Тем и спасалась хитрая Женька, которую каждый раз отпускали «на поруки». От бесконечных Натальиных намеков, переживаний и товарищеских судов Женька заработала язву желудка (на нервной почве), но на кооператив всё же скопила.

Искусство сорить деньгами

Перебравшись в новую квартиру, Женька развернулась вовсю: купила цветной телевизор, холодильник и стиральную машину, обставила комнаты новой мебелью. А старую великодушно оставила Наталье, с которой расцеловалась на прощанье по-родственному, в обе щеки: «Прощевай, Натальюшка, не держи на нас с Олькой зла, всё же не чужие, какая-никакая, а родня». Наталья, не ожидавшая такого от Женьки, смахнула со щеки слезу и широко перекрестила «родню»: «Ну, коли так... Идите с богом, заходите кады ни то, не чужие...»

Из всех Антониных детей Женька жила лучше всех, не отказывая себе ни в чём. В Москву наезжала три-четыре раза в год, накупала без счёта платьев и игрушек для маленькой Ольки, а однажды приволокла большой – во всю комнату – ярко-синий пушистый ковёр с лимонно-жёлтыми цветами и рыжими яркими листьями. Цветы и листья казались Рите настоящими, словно они упали на этот необыкновенный ковёр, да так и остались. От Женькиного ковра, который она расстелила на полу («показывала»), явственно пахло осенними хризантемами.

– Дождём намочило, пока везла, – объяснила Женька. – За ночь высохнет и не будет пахнуть. Я его скатаю и в ванну отнесу, там выдохнется.

– Нет, пусть лежит, – запротестовала Рита. – Он осенью пахнет! И листьями.

Рита сказала правду: в Женькином ковре слились воедино – небо и рыжая осень. И где она нашла такой... (ковров в Москве в те времена было не купить, днём с огнём не найти, но Женьке повезло).

– Не выбирала, схватила, что было, я узоры не разглядывала, в кассу побежала, пробивать, пока не расхватали. Думаю, возьму какой есть, на пол брошу, всё уютнее будет, а то у меня голый паркет...

– Сколько отдала-то? – спросила Ритина мама.

Ковёр был сказочно дорогой и сказочно тяжёлый. О том, как они втроём волокли его до электрички, а потом через всю площадь до Казанского вокзала, а потом втаскивали в вагон, у Риты остались тяжёлые воспоминания.

– Как же ты одна его повезёшь, на двух автобусах? – ужаснулась Вера Сергеевна.

– Дотащу как-нибудь, – весело сказала Женька. – Такси возьму.

– Такси?! Это ж деньги какие!

– Ты же сама говоришь, не донести. А у меня ещё сумки...

Денег Женька не считала.

Двое других детей Антониды, Галя с Николаем, также приходились Ритиной матери двоюродными сестрой и братом, но в Москву никогда не приезжали. Рита расспрашивала о них тётку, но любившая поговорить Женька рассказывала о них неохотно и мало. Зато о их матери, Антониде, Рита знала всё – от бабушки, родной сестры Антониды. И глядя, как беззаботно сорит деньгами Женька, думала: «Лучше бы матери отвезла, если лишние»

Антонида, баба Тоня, всегда жила в нужде, берегла каждую копейку и работала на износ: днём в совхозе, вечером на огороде, с которого кормилась вся семья. Была Антонида трудолюбивой, экономной, работала изо всех сил... И всегда жила трудно, как ни старалась.

Глава 3. Антонида

Тридцать лет назад

Как ни старалась Антонида, как ни выбивалась из сил, а жизнь не ладилась: то одно несчастье, то другое... То картоха не уродилась – а у всех-то вёдрами! То капусту тля сгубила – а у других кочаны пудовые, не поднимешь! То ни с того ни с сего курыдохнуть начали – а у соседей ничего, все живы.

Летом и того пуще беда случилась – корова захромала, со стадом ходить не могла. Ветеринар осмотрел ногу и сказал, что у Милки гноится копыто. Возился долго, соскребал гной, сыпал на копыто белым порошком стрептоцида, мазал его вонючей мазью и обёртывал чистым тканевым лоскутом. Милка смотрела на ветеринара грустными глазами и ногу не отнимала – понимала, что её лечат. Милке было плохо: ей хотелось в стадо, а ходить она не могла. И мычала протяжно, жалуясь на свою участь.

У Антониды прибавилось работы – всё лето она косила траву, где могла (коров держать совхозникам не возбранялось, а под покос полагался только участок за огородом, от огорода до речки, метров двести, кошкины слёзки. В лесу косить поляны не разрешал лесничий. Деревенские выкручивались как могли, покупали сено за деньги. Антониде покупать не на что, дай бог детей одеть-накормить, их у неё трое, а работница она одна.

Маленьких Галю и Колюшку мать каждый день посылала с корзинами на речку, обрывать листья с ветел, густо растущих по берегам. Голодная Милка жевала сладкие листья, вкусно причмокивая и благодарно глядя на детей. После трудового дня уставшая до чёртиков Антонида таскала охапками незаконно скошенную на лесных полянках траву, опасаясь встретить лесника (вся трава в лесу была его, деревенским косить запрещалось, если попадались – траву лесник отбирал).

Кто не знает, свежескошенная трава очень тяжёлая, и Антониде приходилось нелегко. Милка съедала всё, что давали, и смотрела на хозяйку – не даст ли ещё. Другие коровы проводили все дни на пастбище и ели вволю, а Милке приходилось довольствоваться скудными порциями травы и листьев. Она заметно похудела, лежала целыми днями на соломе в углу двора и страдала. Ветеринар мазал больное копыто мазью и качал головой.

Тоня не сдала Милку на мясо, как советовал ветеринар. Корова проболела всё лето и к осени выздоровела, но её всё равно пришлось продать, потому что Антонида не успела приготовить на зиму сена. А купить было не на что.

Корову продали и купили козу. Через два месяца у козы пропало молоко, как не было. Антонида плакала – что за жизнь у неё такая, будто проклята кем. А после того, как её первенец Колюшка утонул в деревенском пруду, где и малые дети никогда не тонули, поняла: дело здесь нечисто, видно и впрямь оговорил кто-то, порчу навёл.

Отчаявшись, Антонида решила пойти к бабке Уле. Её отговаривали: про Ульяну ходили страшные слухи, вроде помогать-то она помогала, но цену брала непомерную. Но никто об этом не проговаривался, кто с Ульяной дело имел, – боялись. Только и отвечали – не велела бабка Уля сказывать, и весь разговор.

Боязно было к Ульяне идти, но делать нечего. Антонида дождалась вечера – чёрного, безлунного. Собрала в узелок гостинцы – десяток яиц, творогу миску, маслица крынку да мешочек орехов. И денег прихватила – вдруг поможет Ульяна, подскажет, как ей из круга этого выбраться, беду превозмочь, Галька чтоб живая осталась, хоть Галька... Набросила серый платок и серой неслышной тенью выскользнула из дома. Дай бог, чтоб не увидел никто, к кому она пошла...

Бабка Уля

Ульяна подарки на лавку пристроила, Антонида за стол усадила, сама свечу жгла, топила воск. Налила воды в склянку, поболтала в ней птичьим пером, клоч чёрно-бурой шерсти окропила той водой, бросила в огонь – пламя так и взметнулось. Тоне послышалось, будто стонет кто в огне, подумала – показалось. Жутко ей стало. Уйти бы, убежать, да ноги не слушались.

А Ульяна села за стол, против Антонида, и в глаза ей уставилась. Долго так сидела. Тоня обмерла отчего-то и лёгкость почувствовала во всём теле, вот-вот взлетит птицей! Но не взлетела. На неё навалилась усталость – каменная, невероятная, ноги как чугунные сделались, в голове гулко, а на лбу испарина выступила. Страшно стало Антониде, пожалела она, что к Ульяне пошла. А та всё молчит и смотрит. Наконец губы разлепила, заговорила, только лучше б молчала...

– Прокляли тебя, девка, заговорили. Счастливая видать была? (Тоня кивнула – любила Тимофея своего, и он её любил). Вот и позавидовали твоему счастью. Заклятье на тебе. Не совладать мне с ним, самой тебе придётся.

– Да как же? Я ж не сумею, – оробела Антонида. Если уж Ульяна помочь не смогла, кто ж тогда?

– Кто ж тогда? – вырвалось у Антонида.

– Это тебе решать. Ну как, согласная ай нет? Сказывай, не то – домой вертайся. И будет всё как было, хуже ещё будет! Сына потеряла, и дочку потеряешь. Хворает она у тебя? – словно невзначай спросила Ульяна.

Галя хворала с самой весны. Антонида поила её травяными отварами, натирала спину и грудь жиром, давала дышать горячим картофельным паром, но кашель не проходил. Тоня думала, пройдёт, но после Ульяниных слов поняла – не пройдёт. И решилась – как в омут бросилась.

– Согласная я, на всё согласная! Только чтоб Гальку мою господь не прибрал, со мной оставил... Ты только скажи, что делать?

Ульяна сказала страшное. Такое, что и во сне не привидится...

– Дитя тебе надо родить. Родишь дитя, оно за тебя и расплатится, а с тебя заклятье сойдёт-уйдёт. Только знай: дитю этому всю жизнь вместо тебя платить придётся. Потому – от нелюбого роди, от чужого, чтоб не жалко было... А другого пути тебе нет.

Поплакала Антонида, погоревала – и уехала в город на заработки, как она объяснила соседке, на которую оставила маленькую Галю и хозяйство. Соседка обещалась приглядеть, не бесплатно, конечно.

Через три недели вернулась, сама не своя, часами перед иконой на коленях стояла, грех замаливала. А через девять месяцев родила Женьку.

Дитя от нелюбого

Женька родилась ни на кого не похожей – ни на Тоню, ни на Тимофея, с которым они, как говорили деревенские, «разжопились» и он уехал неизвестно куда, бросив на произвол судьбы жену и детей. Пожалеть бы Антонида, да никто не жалел. Сбежал муженёк, значит – сама довела, сама виновата, хлебай теперь щи лаптем...

Антонида и хлебала – всё хозяйство на ней, ещё в совхозе работа, ещё детей двое, которые тоже нахлебались горя, зимой босыми бегали, досыта не ели, из-за стола голодными вставали. А деревенским в радость это – поживешь безмужней, характер свой умеришь.

Не зря в народе говорят: тебе – то смерть, а всем – то смех...

Через месяц после рождения рыженькой Женьки в Деулино вернулся Тимофей, которого в деревне уже не чаяли увидеть. Деревня притихла, ждала скандала с битьем стёкол и «разборкой» с Антонидой – за то, что сына не уберегла и девку нагуляла с городским. Но скандала Тимофей не учинил, бухнулся с порога в ноги жене: «Прости ты меня, дурака, что с детишками тебя бросил!»

А когда узнал о смерти сына – ох, и каялся Тимофей, ох, и горевал! На кладбище ревел белугой на могиле своего первенца, заказал в церкви поминальную молитву, денег дал на храм (а их у Тимофея было, по деревенским меркам, много).

Стали Тимофей с Антонидой жить, как раньше жили – будто и не уезжал Тимофей никуда, и с женой не ссорился. Даже Женьку ей простил, принял. Как дочку родную растил, она и не догадывалась, что Тимофей ей не отец. Маленькая Галька кашлять перестала, выздоровела, крепенькая да ладненькая стала, словно вовсе не болела, и выросла настоящей красавицей – парни по ней с ума сходили.

Все Антонидины беды и неурядицы как рукой сняло. Женька росла здоровенькая, болезни её стороной обходили. Коза приплод принесла и молока давала вдвое больше прежнего – и детям хватало, и козлёночку! А потом и корову купил Тимофей. Антонида расцвела, нарядов себе накупила и детей придела. Дом железной крышей покрыли и зажили всем на зависть – в согласии и любви. А через год родила Тоня мальчика – копию погибшего Коленьки, один в один! Николаем назвали.

– Во как жисть повернулась у Тоньки! – судачили соседи. – Ведь хуже всех жила, на своём горбу волокла и детей, и огород, и скотину... Забор сама чинила, сарай сама ставила. Набедовалась – хоть в петлю лезь! Ещё и дочку нагуляла невесть от кого... А погляди ж ты, таперича всё у ей есть! И мужика как подменил кто, за ум взялся Тимка. Послал Господь счастье...

...Только Женьке ни в чём счастья не было! Девчонкой на грабли упала, пропорола железными зубьями щёку. Так и ходила со шрамом. – «Повезло, что глаза целы остались. А шрам заживёт, незаметно будет» – утешал дочку Тимофей, не замечая остановившихся глаз Антонида, её помертвевшего лица.

Хотела Антонида помолиться за Женьку, на колени перед Богородицей пала, а рука враз тяжёлая сделалась и не поднимается! Перекрестилась – с трудом, словно брёвна ворочала. Молитву прочесть хотела – а слова на ум не идут, забыла слова – то! Дрожь её пробрала, с колен вскочила. Подумала, обойдётся, заживёт щека – то, Тимофей правильно говорит.

Не обошлось. Щека зажила, а шрам остался – наискось, в подглазье. Из-за шрама этого парни на Женьку не глядели, браковали, стало быть. А была она – огонь-девка, первая на деревне песельница да плясунья, и за словом в карман никогда не лезла, скажет как отрежет.

А вот – не сватался никто.

Выросла Женька, в город уехала, на завод устроилась. На заводе та же история, никому невеста с таким лицом не нужна. Женька поплакала, поплакала, да родила Ольку. Что ж, что мужа нет? Зато дочка есть, никто не отберёт, моя! А через две недели заявился Фёдор, Олькин отец. – «Собирай вещи. У сестры моей будем жить, дом большой, места хватит» – только и сказал. В загсе расписались, всё как у людей, и зажили они с Фёдором своей семьёй.

Сыр в масле

У Гальки с Колькой по-другому жизнь сложилась, позавидовать можно. Галька в восемнадцать замуж выскочила, муж завскладом работает, полный дом вещей у Гальки и ребятишек двое – сын и дочка, оба лицом красивые, в мать.

Николай – тот ленивый был: баловал отец последыша, единственного сыночка, ни в чём ему отказа не было. Он и вырос – лентяй да разгуляй. До работы не больно охоч, а гулять начнёт – не устанет! На гармони играл – заслушаешься. Нотной грамоты не знал, а любую мелодию с ходу мог сыграть, слух у него был редкостный. На свадьбах да праздниках без Николая не обходились, везде его звали.

Раз поехал он в город, к сестре в гости. В ресторан попал, впервые в жизни. Услыхал, как тамошний оркестр играет, усмехнулся. Дайте, говорит, я сыграю. И сыграл! Директор ресторана услышал, работать пригласил к себе, он и согласился – такая работа не в тягость, а в радость. Зарабатывать стал как сестрин муж, да харч ресторанный, дармовый.

Ресторан тот с Колькиной игры поднялся, известным стал. Народу собиралось много Колькину гармонь послушать – такие переборы, такие коленца выдавал! Что угодно мог сыграть – и трепака, и яблочко, и народное – аж душу переворачивало у всех. И вальсы играл «со слезой» – «Дунайские волны», «Оборванные струны», «Сказки венского леса». Директор нарадоваться не мог на Кольку – самородок, талант! Ну и платил соответственно. Завидно устроился Николай, как сыр в масле катался: сам при деньгах и родителям помогал.

Невезучая Женька

Одной Женьке не везло. Как развелся с нею Фёдор, моталась по судам, дом отсуживала. Да на заводе нервы ей поистрепали, за спирт этот треклятый, до язвы желудка дело дошло. Но на квартиру накопила-таки. Квартира – загляденье: с балконом, с паркетом, две комнаты, да прихожая, да кухня большая, двенадцать метров, хоть пляши в ней. Пай Женька выплатила полностью, мебель новая, жизнь новая... А счастья нет. Никому не нужна, на всём свете – никому!

Приезжала к матери в Деулино за утешением. Посидят, поговорят, только от разговоров не легче, а словно бы тяжелее станет. Женька знала уже, что Тимофею она не родная. Но в деревню всё равно ездила, помогать – картошку окучивать, огурцы пропалывать, то да сё. Спиртное привозила брату с отцом: без бутылки они и работать не станут.

Сама-то Женька тяжёлого не поднимала, брёвен не ворочала – два мужика в доме, сами справятся. В огороде копалась, поливала да полола. А домой возвращалась всё одно – без сил.

– Ты чего такая бледная? Заболела? – спрашивали заводские.

– Да не заболела я, с чего вы взяли?. К матери ездила, помогать.

– Что ж она, пахала на тебе, что ли?

– Скажете тоже, пахала... Моркву полола да прореживала, жука колорадского с картохи снимала да в костре жгла. А картоху мы лошадьё окучивали, и пахали лошадьё, – смеялась Женька. А слабость чувствовала такую, словно её вместо лошади в плуг впрягли. Чудно!

– Ты как к матери съездишь, так сама не своя. Не ездила бы ты к ней, раз здоровьем слабая, – говорила Женьке Галя. – Колька с отцом без тебя справятся.

– Справятся, если бутылку привезу. И не придумывай, нормальное у меня здоровье, чего буробишь-то, типун бы тебе на язык! – налетала на сестру Женька. А силы словно таяли...

Глава 4. Белая магия

Объявление в газете

...И кто знает, чем бы это закончилось, не попадись Женьке на глаза объявление в газете. «Белый маг поможет решить ваши проблемы, очистит ауру, восстановит энергетику» – прочитала Женька и задумалась. Про ауру она ничего не знала, чем её чистят – тем более. Энергетика – это что-то электрическое, с машинами связано. Машины у Женьки нет. А вот проблемы решить – это она согласная, ничего в том нет плохого, белая магия не чёрная, а за спрос денег не берут.

С последним Женька ошиблась – деньги пришлось выложить немалые. Как оказалось, она заплатила не зря. Сидела, раскрыв от удивления рот, а женщина-маг подробно расспрашивала её обо всём, что с ней случилось, что было не так... А после и не спрашивала – сама за неё говорила, а Женька, вытаращив глаза, очумело трясла головой, подтверждая: «Да... Да... Так оно всё и было. Вам-то откуда известно, я ж не говорила никому?!»

Белый маг, не отвечая на заданный вопрос, перешла на ты:

– Суждено тебе за чужие грехи расплачиваться, а за чьи – сама, верно, догадываешься. Не могу сказать, не вижу.

– Неужели... Да не может этого быть! – охнула Женька. – Это ж мама моя! Говорили про неё в деревне всякое, да я не верила, мать ведь она мне! И с Олькой каждое лето нянчилась... Что бы я без неё делала! Олька, считай, на её руках выросла, да и меня она привечает, как приеду – от себя не отпускает, не надышится, – толковывала магу Женька, отводя от матери беду, отменяя подозрения. А сама уже знала: она это. Больше никому.

– Часто она с тобой рядом садилась? Обнимала тебя? В глаза смотрела? – допытывалась женщина-маг. И Женька кивала потерянно...

Антонида любила сидеть вдвоём с Женькой на старом продавленном диване, подолгу не отпускала её от себя. – «Мам, я ж не сидеть, я работать приехала!», – Женька порывалась уйти, о Антонида всякий раз её удерживала: «Да погоди, куда ж ты бежишь от меня? Посиди со мной маленько, Женюра!» Обнимет за плечи и всё говорит, говорит, а у Женьки глаза закрываются, словно не утро сейчас, а вечер поздний, так ей спать хочется...

Ноги будто не её делаются – тяжёлые, непослушные, и слабость накатывает – откуда взялась? А мать всё говорит и говорит, говорит и говорит... А после встанет и пойдёт по хозяйству шуровать, и всё у неё спорится, работа от рук отлетает. А Женька весь день как варёная, всё через силу делать приходится, словно не грядки полет, а камни тяжёлые ворочает.

Страшная правда открылась Женьке: её, Женькиной, жизнью платила мать за безбедную, благополучную – свою и Галькину с Колькой жизнь. Чтобы обходили их напасти и несчастья, чтобы всё у них было хорошо. У них и было – хорошо, а у Женьки не складывалось. А иначе не получалось – кто-то же должен платить за безбедную эту жизнь. И родила Антонида Женьку – от мимоезжего командированного, о котором забыла давно. И пила из неё силу, и сама той силой наполнилась.

От мага Женька услышала, что существуют такие люди – энергетические вампиры, или фаги. Сядет фаг с тобой рядом, разговор заведёт, в глаза тебе глянет – и ты будто околдованный сделаешься, сидишь как во сне, слушаешь. Фаг с тобой говорит, а сам жизнь из тебя сосёт, по каплям тянет. Фагу хорошо, а ты ходишь весь день разбитый и всё понять не можешь, откуда такая усталость навалилась, уставать вроде бы не с чего.

Это если один раз. А если с фагом часто так сидеть – беда с тобой случится! А со стороны поглядеть – душевный человек, и собеседник приятный, и говорить с ним хочется. Интересно с ним!

Неопровержимые доводы

Обо всём рассказала Женька Ритиной матери, ничего не утаила, вывалила всё.

– А я всё думаю, отчего со мной такое... Как ни приеду, мать-то посидеть с ней просит. Сядет рядышком и говорит, говорит... А потом в огороде работает как заведённая весь день, а я как неживая. Это она у меня силы забирала, жизнь из меня вытягивала, – рассказывала Женька двоюродной сестре. – А мне ещё Ольку на ноги ставить... Меня ей не жалко, так хоть внучку пожалела бы! – Последние слова Женька выкрикнула уже плача и уткнулась лбом в сестрино плечо.

– Да что ты мелешь, Женька, опомнись! О матери такое разве можно говорить? Ты подумай головой своей бестолковой, не могла она у родной дочери...

– Могла! Могла! – захлебнулась криком Женька. – Родная, скажешь тоже... Я у неё хуже всех была, даром что младшенькая. Младших-то всегда больше любят, а я как ни старалась – всегда виноватая. Галька что ни натворит, ей всё прощала, а меня наказывала – всегда, за всё! Хворостины из рук не выпускала, я в голос орала, до хрипа, а отец никогда не заступится, молчит – будто нет его. Да какой он мне отец...

А Колька – чего только не выделывал! У Никулиных горох подчистую оборвал, поломал весь. У Семёна хромого ночью яблони обтрясли – Колькина работа. Всего и не упомнишь... А дрался как! А ты спроси, мать хоть раз его тронула? – Всё он у неё дитёнок да пострелёнок, в любимчиках ходил.

Он вон – пьёт, не просыхает, а я водку вожу ему и денег не беру, лишь бы к матери лишний раз приехал. И опять я у неё плохая. Зачем, грит, ты её таскаешь, водку эту треклятую? А без водки Колька и не вспомнит, что огород копать надо, картоху сажать надо!

Напрасно Вера Сергеевна убеждала сестру, что она всё придумала и наговаривает на мать, а Галя с Николаем в деревне работают не меньше Женьки. Та стояла на своём. По женькиному выходило, что матери помогает только она, работает с утра до вечера, а Галька приезжает с подружками погулять да позубоскалить. А Колька – выпить дармового Женькиного спирта, да с собой увезти.

– Вот ты говоришь, на диване с Тоней сидите битый час. А кто ж тогда работает? Галя с Колей и работают! Говоришь, Коля к вечеру как свинья напивается. А кто ему спирт неразведённый возит, в бутылках запечатанных? Сама же и везёшь! Сарай, говоришь, у матери новый? А строил кто? – Коля строил. А ты с матерью на диване сидишь, языком мелешь, балаболка, – увещевала Женьку сестра. Но Женька мало её слушала, говорила о своём.

– Гальку-то она на диван с собой не садит, а я как ни приеду – «посиди со мной, поговори, давно с тобой не видались». И садится рядышком, силу мою пьёт! На моей крови, на несчастьях моих благоденствует – и она, и вся её семейка. Галька с Колькой дружатся, а меня как зачумлённую чураются. С детства они так со мной, будто я не родная им. Чужая. Мать-то, небось, рассказала, что отцы у нас разные, вот и не любят меня. И Олька моя от меня отпикивается! Выросла, я ей теперь не нужна, квартира моя нужна и деньги мои, кровью заработанные. А мать мешает только, – распалила себя Женька.

Рита слушала, сидя в своей комнате на кровати и обхватив ладонями горящие щёки. То, о чём говорила Женька, было похоже на сумасшествие. Женька вылила на мать ушат грязи и уехала, а Рита с мамой долго не могли прийти в себя.

Деревенская колдунья

Добрая, улыбочивая Женькина мать, тётка Антонида, приветливая к родне, хлебосольная и радушная, в деревне и впрямь слыла колдуньей. Чурались её деревенские, и она их сторонилась. В разговоры ни с кем не вступала, только если надобно что. Подруг у Антониды не было. А зачем они нужны? Тайны сердечные рассказывать, чтобы завтра о них вся деревня знала?

Боялась Антонида, что деревенские расскажут Женьке о Тимофее, что не отец он ей – отчим. Женька тогда совсем от рук отобьётся, ей только волю дай. А так хоть отца слушается, – рассказывала Антонида, и Рита с мамой ей верили. Как такому не поверить?

– Ба, ты не плачь, мы же знаем, что ты хорошая, и никогда тебя не бросим, заберём к себе в Москву и будешь с нами жить, – говорила Рита, обнимая и целуя двоюродную бабушку.

– Глупая ты... Куда ж я уеду, у меня скотина, куры, как оставишь? Пропадут без меня, никто их не накормит, не напоит, соломки свежей не постелет, – улыбалась Тоня, а из глаз текли слезинки...

Рита звонко целовала бабушку и просила: «Ну, тогда хоть зимой, на каникулы приезжай» – уже зная, что бабушка Тоня к ним не приедет, она не хочет, у неё свои внуки, а Рита не родная внучка, двоюродная. Как жаль! Рита всхлипывает, Антонида обнимает её тёплыми руками, целует в мокрую щеку:

– Ну что ты, Ритуля, совсем с ума сошла, что ты плачешь? Баба Тоня с тобой, и всегда с тобой будет. Ты приезжай почаще, навещай, мы с твоей бабушкой сёстры родные, и ты мне родная, глупая ты моя...

Тоня гладила Риту по спине, это было приятно. Рита приваливалась к ней боком и закрывала глаза... «Бабушка Тоня, ты моя самая любимая, мне бабушка про тебя рассказывала, как вы с ней маленькими были... Я тебя никогда не брошу!»

Рита верила, что бабушка Тоня сама не хочет ни с кем дружить и жалела её: без друзей нельзя, одной плохо... На самом деле деревенские не общались с Антонидой – боялись дружбу водить с колдуньей. Нашепчет чего, подведёт под беду. Уж больно гладко у неё складывалось, беда стороной её дом обходила.

У деревенских-то у всех – напасть за напастью, то сено подмокнет, гниёт в стогах, до весны не достоин. То картошку проволочник сожрёт подчистую. То сад от морозов вымерзнет. А у Антониды столько лет всё растёт-цветёт – и яблони, и детки. Знать, отводит от себя несчастья, другим посылает, – шептались деревенские.

– Бед мне господь щедро отмерил, нахлебалась вдосталь. Я их все перетерпела, никому не отдала. Теперь ваш черёд, ваша очередь подошла, – смеялась Антонида.

Шутила вроде, а глаза у неё злые, недобрые. Не любила Антонида сельчан. Ишь, завидуют, что всё у неё хорошо. Хотят, чтобы было плохо. А когда бедовала с детьми одна, без мужа, когда так приходилось тяжело, хоть в петлю лезь! – никто не пришел, не пожалел.

Тебе – то смерть, а всем – то смех – вспомнилось Антониде, как мать её говаривала. Она тогда глупая была, не понимала – о чём это. Зато теперь знает. И пусть её нелюдимою да недоброй зовут, сами больно добрые! Так и жила с обидой на всех. Горе её такой сделало, жизнь такая... Не дай бог кому!

Негаданно–нежданно...

Так и жила Антонида от всех на отшибе. Тимофей – тот не замечал ничего, к нему-то она всегда ласковой да приветливой была. Любила его крепко. Тимофею нравилось, что жена всегда дома – то на огороде возится, то со скотиной управляется, то с ребятами чем-ничем займётся. По чужим-то дворам хвостом не метёт, себя держит строго – радовался Тимофей.

А как выросли у них с Тимофеем дети да пошли внуки, расцвела Антонида, словно яблоня весной. Помолодела будто. И не было в деревне бабушки ласковой, и не было внуков любимей. Откуда силы брались? – И с хозяйством справлялась, и дом в чистоте держала. Скотина, птица, огород – всё на ней. И внучка Оля с малых лет – на ней.

Женька отвозила дочку в Деулино весной и забирала с первым снегом. Навещала редко, наездами. Девочка росла здоровенькая да румянькая. А как пришла пора Ольке в школу идти – оглушило Женьку бедой: Оля не могла сидеть с прямой спиной, как требовала учительница. Держать спину было больно, и сорок пять минут, которые длился урок, были для девочки пыткой. Она поминутно ёрзала и вертелась, пытаясь найти удобное положение, чем вызывала гнев учительницы и издевательский смех одноклассников.

– Артемьева, что ты всё время вертишься? Я понимаю, тебе не интересно слушать, о чем я рассказываю, ты всё знаешь. Может быть, расскажешь нам? – Оля обреченно поднималась из-за парты и молча стояла, понуриив голову. – Выпрями спину, Артемьева, не стой, как старушка, а то горб вырастет, и будешь ходить с горбом. Садись, Артемьева. И сядь ты наконец спокойно, я устала от твоих выкрутасов, – делала ей замечание учительница. Но «сидеть спокойно» Оля не могла: спину терзала жгучая боль. Плакать на уроке было нельзя, ведь тогда её совсем засмеют. И она плакала ночью, прикусив зубами краешек одеяла, чтобы не скулить от постоянной тянущей боли, которая не отпускала даже в постели. Даже во сне.

Для Женьки наступили чёрные дни – бесконечные походы по врачам, массажистам, мануальным терапевтам... Сменялись клиники, врачи, процедуры, а спина продолжала болеть. Отчаявшись, Женька выцарапала в районной поликлинике направление на консультацию в военный госпиталь. Ей выдали «на руки» Олькин рентгеновский снимок и врачебное заключение об остеохондрозе. И они с Олькой поехали на консультацию...

Врачебное заключение

Внимательно рассмотрев рентгеновский снимок, военный хирург надолго задумался. Никаких признаков остеохондроза он на снимке не видел. Зато увидел другое...

– А другие снимки есть? Более ранние?

– Нет у нас ничего, – растерялась Женька. – Как болеть стало, тогда и сделали рентген, а раньше незачем было, – недоуменно объяснила Женька.

– А раньше спина у неё никогда не болела? – расспрашивал хирург. Женька трясла головой в ответ: «Не болела вроде...» И чего привязался? Раньше, раньше... Раньше она Ольку не видела почти, весной в деревню отвозила, к зиме забирала – и в сад, на пятидневку...

– А скажите мне вот что... Вы не роняли её маленькую? – приставал с расспросами врач. – Может, случайно, нечаянно...

Женька задохнулась от возмущения, и набрав в лёгкие побольше воздуха, приготовилась возражать. Но хирург протянул ей снимок:

– Вот, смотрите. Здесь чётко видна трещина в позвонке. И как её ваш хирург не заметил... А вот ещё одна.

– Как трещина? Откуда? – выдохнула Женька.

– Это застарелый перелом. Он давно зажил, но кости срослись неправильно, потому ей и больно. И как она умудрялась сорок пять минут за партой высидеть, удивительно! Ей ведь было очень больно...

– Она не говорила ничего... В саду на пятидневке была, там с ними не церемонились, вкусно – не вкусно, ешь как все, чтоб тарелка чистая, больно – не больно, сиди, как все сидят. За капризы в угол ставили, за драку без прогулки оставляли, а то и без обеда. В саду она как шелковая была, не жаловалась ни на что, а как в школу пошла, началось... Учительша на неё жалуется, в дневник замечания пишет, у всех дети как дети, а я на родительских собраниях не знаю, куда глаза девать... Сколько я её лупила, никакого толку. Я ж думала, притворяется девка, учиться не хочет, а оно вон как повернулось. Что ж мне делать-то с ней? – упавшим голосом закончила Женька.

– Делать ничего не надо. Будет в корсете ходить, снимать только на ночь. И запомните, долго на ногах ей стоять нельзя, и сидеть подолгу нежелательно. Освобождение от физкультуры я выпишу.

– А лечить как? Чем? – робко спросила Женька, уже зная ответ.

– Я вам уже сказал. Носить корсет. В течение дня ложиться отдыхать, желательно через каждые три часа. Спать на спине, на жёстком, никаких перин и пружинных матрацев. На кровать положите деревянные плашки, сверху ватный матрац. Сначала, конечно, помучается, но ничего, привыкнет, и будет спать. Без боли. А лечить, к сожалению, уже никак. Вот если бы сразу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.